

Лондон Джек

Лунная долина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д40

Д40 **Джек Л.**
Лунная долина / Лондон Джек – М.: Книга по Требованию, 2023. – 318 с.

ISBN 978-5-519-93879-2

ISBN 978-5-519-93879-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Большая в припадке лежала на спине, колотя пятками по полу, крича однообразно и непрерывно, словно механическая кукла. Две женщины, подхватив ее под мышки, поволокли из комнаты, но она все продолжала колотить ногами и кричать. Дверь отворилась, и оттуда ворвался глухой рев машин, заглушивший крик ее прежде, чем захлопнулась за нею дверь на блоке.

От всего происшествия остался только запах гари, носившийся в воздухе от спаленного белья.

— Смотреть тошно, — проговорила Мери.

После того утюги долгое время правильно поднимались и опускались, и работа шла все тем же быстрым ходом. Надзирательница с тем же грозным видом расхаживала между рядами досок и работниц, готовая, при первом признаке наступающего изнурения сил или истерики, натрянуть на виновную. Иной раз та или другая гладильщица выбивалась из такта, вздыхала или шумно переводила дух и кое-как, с тупой решимостью, опять попадала в такт. Долгий летний день клонился к концу, но жара не спадала, и работа длилась при тяжелом для утомленных глаз электрическом освещении.

К девяти часам работницы начали собираться домой. От горы тонкого крахмаленного белья осталось всего несколько штук, там и сям разбросанных по доскам, за которыми доглаживали их запоздавшие работницы.

Сакса кончила раньше Мери и, уходя, прошла мимо ее доски.

— Суббота; еще неделя кончилась, — печально сказала Мери. Молодые щеки ее поблекли и впали, под усталыми черными глазами обозначились темносиние круги. — Сколько заработала, Сакса?

— Двенадцать с четвертью, — не без гордости ответила та.

— Скажите! Я перед тобой пасую, — поздравила ее Мери. — У тебя работа горит, за тобой не угонишься. У меня наработано всего на десять с половиной, и то неделя была

особенно тяжелая. Ну, значит, мы с тобой сойдемся на девяти-часовом поезде. Смотри же, не опоздай. Можно погулять, пока не начнутся танцы. Там будет много моих знакомых, еще до вечера соберутся.

В немногих шагах от прачечного заведения, на углу улицы, под дуговой лампой прохлаждалась группа хулиганов. Сакса ускорила шаг, невольно стиснув зубы и придав лицу суровое выражение. Она не уловила всех слов, сказанных ей вслед, но по грубому смеху догадывалась о них, и щеки ее гневно зарделись. Пройдя еще улицы три, она повернула в переулок направо, потом в другой налево; становилось темно и прохладно. По обеим сторонам стояли дома, занимаемые рабочими, деревянные, ветхие, с облупливающейся краской, посеревшей от многолетней пыли, замечательные только по дешевизне и безобразию.

Несмотря на темноту, Сакса не ошиблась, — рукой узнала шаткую калитку, а ухом — визгливый скрип несмазанных петель. Узкой дорожкой она обошла к заднему крыльцу, машинально перешагнула через ввалившуюся ступеньку и вошла в кухню, где, мигая, слабо мерцал неприкрытый газовый рожок. Она прибавила пламени и осветила небольшую комнату, нельзя сказать, чтобы беспорядочную, по той причине, что нечему было быть в беспорядке: голые стены со штукатуркой, обесцвеченной паром от бесчисленных стирок, с перекрещенными во все стороны широкими трещинами, оставшимися от прошлогоднего землетрясения. Пол тоже был в трещинах, неровный, а перед печкой был протоптан и покрыт распластанной и сложенной вдвое, большой жестянкой из-под керосина. Раковина, рядом висящее грязное полотенце, несколько стульев и деревянный кухонный стол довершали обстановку.

Когда Сакса придвинула себе стул к столу, под ногой у нее хрустнула яблочная сердцевинка. На протертой клеенке дожидался ее ужин. Она попробовала холодных бобов, густо за-

стывших в жире, но не могла осилить их и намазала маслом ломоть хлеба.

Шаткий дом затрясся под тяжелыми, ленивыми шагами, и в дверь, ведущую из внутренних комнат, вышла Сара, пожилая, плоскогрудая, растрепанная, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, начертанными житейскими заботами и брюзгливостью.

— Гм! Пожаловала! — проворчала она вместо приветия. — Сил моих нет держать ужин горячим. Ну, и денек! Я едва не померла от жары. К тому же Гарри раскроил себе губу в кровь. Доктор должен был наложить четыре шва.

Сара подошла ближе и грузно стояла над столом.

— Чем плохи бобы? — задорно спросила она.

— Ничего, только... — Сакса перевела дыхание и отвела грозившую вспышку. — Только что-то есть не охота... Так было жарко весь день. В прачечной страх что такое.

Она храбро хлебнула холодного чаю, так долго превшего, что от него вязало рот, и с отчаянным усилием, чувствуя на себе взор невестки, проглотила всю чашку, после чего утерла рот платком и поднялась. — Пойду, спать лягу.

— Удивительно, что танцевать не отправилась, — издевалась Сара. — Не странно ли, что ты каждый вечер приходишь домой, как убитая, а все-таки чуть не каждый день можешь отплясывать до утра.

Сакса хотела было что-то сказать, но передумала и крепко стиснула губы, — однако все же не выдержала и выпалила:

— Ты, видно, никогда молода не была?

Не дожидаясь ответа, она ушла в свою смежную с кухней спальню. Это была каморка — пять аршин в длину и три в ширину; землетрясение и тут оставило следы на штукатурке. Вся меблировка состояла из дешевой сосновой кровати и стула, да очень старинного комода. Этот комод Сакса знала с тех пор, как себя помнила. Он был неразрывно связан с ее самыми ранними воспоминаниями. Она знала, что он приехал

с ее родителями из восточных штатов в крытой парусиновой фура, в каких до железной дороги переселенцы перевозили через прерии свои семьи и имущество. Он был из цельного красного дерева. Один бок был с трещиной и слегка вдавлен; это было сделано, когда фура опрокинулась в крутом ущелье при переходе через Скалистые горы. На лицевой стороне в одном из ящиков была дыра от пули индейца. Обо всех этих происшествиях рассказывала ей мать. Еще рассказывала она ей, что комод привезен их предками из Англии, когда Джорджа Вашингтона еще не было на свете.

На стене, над комодом, висело небольшое зеркальце с засунутыми за раму фотографиями молодых людей, подруг и групп, снятых на пикниках, в которых каждый молодой человек, с молодецки сдвинутым на затылок котелком, одной рукой обнимал за талию свою даму. Дальше вдоль стены висели раскрашенный календарь и множество вырванных из журналов раскрашенных объявлений и картинок, по большей части изображавших лошадей. С газового рожка висела целая коллекция исписанных странными каракулями балльных программ.

Сакса сняла шляпу и села на кровать. Она тихонько зарыдала, стараясь, чтобы ее не было слышно; но слабо заперевшаяся дверь без шума отворилась, и ее испугал голос невестки:

— Что с тобой опять? Если бобы не вкусны...

— Ах, нет же, нет, — торопливо извинилась Сакса: — устала я, Сара, вот и все, — и ноги болят. Просто есть не хотелось. Из сил выбилась.

II.

Каждая посетительница сама покупала себе билет у входа в Визель-парк. И каждая, кладя свои полдоллара, машинально высчитывала, сколько штук тонкого крахмального белья представляет эта монета. Еще рано было до сбора, но

каменщиков с семействами прибывало уже не мало, нагруженных огромными корзинами с провизией и с малыми детьми на руках, — все дюжий, здоровый рабочий народ, получающий хорошее жалованье и откормленный на славу. С иными шли деды и бабушки, меньше ростом и дородством, осунувшиеся и с'ежившиеся не от одной старости, а больше от недоедания в молодые годы, от ранних трудов и лишений. Несмотря на приличную американскую одежду, сейчас видно было, что они родились на ирландской почве. Лица их сияли довольством и гордостью, и они старались не отставать от своего рослого потомства, выросшего на лучшей и более обильной пище.

Но не к ним примкнули Мери и Сакса. Они их не знали, не имели между ними знакомых. Им дела не было до того, кто задавал празднество — ирландцы, немцы или славяне, кто устраивал пикник — каменщики ли, пивовары, или мясники. Они принадлежали к той толпе любителей танцев, которая на всех пикниках на известный процент увеличивает сбор за вход.

Они гуляли между балаганами, где калили орехи и сушили на жаровнях кукурузу для предстоящей торговли, и осматривали пол в танцевальном павильоне. Сакса, обнявшись с воображаемым кавалером, сделала несколько па вальса. Мери аплодировала.

— Какая ты сегодня авантажная! А чулки — прелесть!

Сакса самодовольно улыбнулась и высунула из-под подола ножку, обутую в бархатную туфельку на высоком испанском каблуке, и слегка приподняла узкую юбку, выставляя красивую щиколку и тонкую линию икр, при чем белое тело сверкнуло сквозь редкие петли дешевого черного шелкового чулка. Она была невысокого роста и с виду даже худощава; однако, ее формы имели округленные очертания. К ее белой блузе огромной новомодной брошкой из поддельного коралла было прикреплено плисированное жабо из дешевых кружев. Сверх блузы на ней была аккуратненькая жакетка с рукавами по

локоть, а до локтей доходили перчатки из поддельной тонкой замши. Единственною, совершенно естественною чертою во всей ее наружности были не знавшие щипцов завитки, выбивавшиеся из-под маленькой, низко на лоб надвинутой, задорной черной бархатной шляпки.

Мери любовалась подругой, глаза ее радостно блистали; она быстро подбежала к ней, схватила ее в объятия и поцеловала, прижимая ее к себе с такой силой, что у той сперло дыхание, но тут же выпустила ее и покраснела, устыдившись своего порыва.

— Что же мне делать, если ты мне нравишься, — сказала она, как бы извиняясь. — Будь я мужчина, я бы с ума сходила по тебе, — с'ела бы тебя, честное слово.

Они вышли из зала, держась за ручки, и бесцельно ходили по солнечным дорожкам, весело размахивая руками, наслаждаясь до упоения избавлением от мертвящей работы всей недели. Они долго стояли, наклонившись над решеткой медвежьей ямы, и с невольной дрожью смотрели на одинокого узника; от него прошли к клетке обезьян и минут десять хождения над проказницами. Потом отправились через весь парк и сверху осмотрели маленький ипподром, расположенный на две ложбинки, окруженный натуральным амфитеатром: там, вскоре после полудня, должны были происходить разные игры. Наконец, они пошли наудачу бродить по роще, по бесчисленным дорожкам, неожиданно кончавшимся укромными тенистыми прогалинами, наставленными зелеными столиками и скамейками, из которых многие были заранее заняты гуляющими семействами. На окруженной деревьями покатою лужайке они разложили газету и уселись на коротко подстриженной траве, уже подсохшей и порыжевшей под лучами калифорнийского солнца. Им отчасти хотелось полениться, понежиться после шестидневной непрерывной работы, отчасти же они думали сберечь свои силы для предстоящих танцев.

— Берт Ванхот наверно придет, — болтала Мери. — И он сказал, что приведет Билли Робертса, — его все зовут «Большим». Он и есть большой школьник, но ужасно грубый. Ведь он кулачный боец, и девушки все за ним бегают. Я его боюсь. Он на язык не боец, скорее похож на того большого медведя, — голову откусит, как пить дать. В самом деле, он и не боец совсем, а извозчик, принадлежит к союзу. Служит у фирмы Норберли и Морисон. Изредка он все-таки еще выходит на бой, но не публично, а только в частных клубах. Товарищи почти все его боятся. У него скверный характер; его хлебом не корми, только бы поколотить кого-нибудь. Тебе он не понравится; но он удивительно танцует. Тяжелого сложения, а танцует — так и скользит, так и порхает. Протанцовать тебе с ним следует хоть раз. И на руку он щедр, не скардничает. А все-таки — характерец! Боже упаси!

Мери продолжала свой монолог, но он после того вращался больше вокруг Берта Ванхота.

— Ты, как я вижу, очень с ним дружна, — заметила Сакса, как бы мимоходом.

— Я вышла бы за него хоть завтра, — порывисто об'явила Мери, но тут же лицо ее сделалось печальным, почти жестким, такая выразилась в нем безнадежность. — Но он никогда об этом не заикается. Он . . . — Она замолкла, но вдруг опять страстно заговорила: — Ты его остерегайся, Сакса, если бы он когда-нибудь вздумал около тебя увиваться. Он большой повеса. А все-таки я завтра же вышла бы за него. Но иным путем он меня никогда не возьмет. — Она раскрыла рот, но вместо слов испустила протяжный вздох. — Любопытный этот мир, не правда ли? — вдруг начала она опять. — И как подумаешь, что и звезды тоже все миры! Я часто думаю: где-то бог живет? Берт Ванхот говорит, что бога нет. Но он ужасный; говорит ужасные вещи. Я в бога верую. А ты? Ты как думаешь про бога, Сакса?

Сакса пожала плечами и засмеялась.

— Но, если мы станем делать, чего не следует делать, нам ведь за это достанется, не правда ли? — настаивала Мери. — Это все говорят, кроме Берта. Он говорит, что, что бы он ни делал, ему все равно за это не будет ничего; потому что, раз он умрет, он и будет мертв, а раз он будет мертв, то посмотрел бы он, как и чем его можно разбудить. Ну, разве не ужасный человек? Но и смешно же это все. Мне иной раз страшно делается, как подумаю, что божий глаз все время на мне. Как ты думаешь, знает он то, что я говорю вот теперь, в эту минуту? И как ты думаешь, на что он собственно похож?

— Не знаю, — ответила Сакса. — Только должно быть грозный.

Вдруг раздавшаяся из зала музыка заставила обеих девушек проворно вскочить на ноги.

— Можно протанцевать хоть разика два до обеда, — предложила Мери. — А там и парни соберутся. Они больше все скареды, оттого и не приходят рано, чтобы девиц обедать не приглашать. Но Берт не такой, он даже сорит деньгами; также и Билли. Если мы успеем первыми, они пригласят нас в ресторан, вот увидишь. Ну, идем же!

В павильоне было еще немного пар, и девушки первый вальс протанцевали друг с другом, без кавалеров.

— А вот и Берт, — шепнула Сакса, когда они закончили второй тур.

— Делай вид, что не замечаешь их, — шепнула в ответ Мери. — Будем продолжать, как ни в чем не бывало. Пусть не думают, что мы за ними гоняемся.

Но Сакса заметила густую краску, разлившуюся по щекам подружки, и почувствовала ее учащенное дыхание.

— А другого видела? — спросила Мери, увлекая ее широкой глиссадой на другой конец зала. — Это Билли Робертс. Берт сказал, что приведет его. Он пригласит тебя обедать, а

Берт — меня. Славный будет денек, вот увидишь. Только бы музыка выдержала, пока мы вернемся к тому концу.

Они танцевали во всю длину большого павильона, а мысли и разговор их вращались вокруг кавалеров и возможного обеда. Молоденькие, хорошенькие, танцующие несомненно хорошо, они безукоризненно удивились, когда очутились как раз возле своих намеченных жертв.

Берт и Мери называли друг друга по имени, но Сакса обращалась к Берту, называя его «м-р Ванхот», хотя он говорил ей «Сакса». Мери познакомила Саксу и Билли Робертса с напускной небрежностью, а сама нервничала и суежилась.

— М-р Робертс — мисс Браун. Она — мой лучший друг. Имя ее — Сакса. Необычное — правда?

— Мне нравится, — тотчас нашелся Билли, сняв шляпу и протягивая руку. — Рад познакомиться, мисс Браун.

В ту секунду, когда руки их встретились и она на своей ладони почувствовала мозолистую ладонь молодого извозчика, Сакса быстрым взглядом рассмотрела многое. Он же видел почти только ее глаза, и то у него осталось только смутное впечатление, будто они голубые. Только позже он разглядел, что они серые. Она, напротив, сразу увидела, что у него глаза синие, широко раскрытые и красивые, по выражению почти детские, несколько строгие; увидела, что они глядят прямо. Они ей понравились, как понравилась его рука и самое прикосновение ее. Она заметила, хотя не с такой яркостью, его короткий, прямой нос, здоровый румянец на щеках, твердое очертание короткой верхней губы, и с особенным удовольствием остановила взгляд на красивой линии довольно большого, но приятного рта, улыбавшегося алыми губами, за которыми блестели белые зубы. «Мальчик», — подумала она, — «как есть мальчик, хотя и взрослый». Они улыбнулись друг другу, и в ту секунду, как их руки разошлись, внимание ее привлекли его волосы, короткие, курчавые, цвета почти бледного золота, но без блеска, и потому более похожие на лен.

Он был такой светлый блондин, что напоминал ей некоторые виденные ею на сцене скандинавские типы; но сходство тем и кончалось, так как брови и ресницы у него были темные и глаза смотрели отнюдь не удивленным взором ребенка. Костюм его, из хорошего темного сукна, был сшит, очевидно, порядочным портным на заказ. Сакса украдкой, в одну минуту, осмотрела его и мысленно оценила никак не меньше 50 долларов. В нем не было и тени скандинавской неуклюжести. Напротив, он был одним из тех редких людей, красоты сложения которых не удастся скрыть даже некрасивому современному мужскому костюму. Каждое движение выходило у него неторопливым, непринужденно изящным. Этого она, конечно, не могла разобрать и оценить. Она почувствовала только спокойную и уверенную игру его мышц, почувствовала также, что с ним она найдет успокоение и отдых, которых так жаждет человек, подобный ей, без устали гладившей тонкое крахмальное белье шесть дней в неделю. Как ей было приятно прикосновение руки его, так и более тонкое впечатление от всей его личности действовало на нее благотворно.

Когда он взял от нее программу и с молодым задором стал шутить с нею, она поняла, что ее неудержимо влечет к нему. Никогда в жизни ни один мужчина так на нее не действовал, и она с удивлением подумала про себя: «Уж не этот ли?».

Он прекрасно танцевал, и она почувствовала удовольствие, которое испытывают хорошие танцоры, найдя равных себе партнеров. Мерная, плавная игра его гибких мышц удивительно сливалась с ритмом музыки; ни малейшей неуверенности или колебания. Она взглянула на Берта, грубо отплясывавшего с Мери, смотрела, как он, точно бильярдный шар, катился с нею во всю длину залы, то и дело сталкиваясь с постоянно прибывавшими парами. Высокий, стройный, гибкий, Берт считался хорошим танцором; однако Сакса не могла вспомнить, чтобы она когда-нибудь танцевала с ним с удовольствием. Какая-то отрывистость портила его манеру танцевать; не